

Лобанов С.А.
кандидат юридических наук,
Институт бизнеса и политики,
г. Москва, Российская Федерация

Криминальная ментальность в российском обществе

Как известно, любое общество может быть охарактеризовано в свете витальных, социальных и духовных определений. С точки зрения духовности оно выступает (или, по крайней мере, должно выступать) «как единый сверхсубъект культуры, как генератор огромного мира ценностей и смыслов, пронизанных нормативными принципами, предписывающими социуму действовать в направлении, отвечающем критериям добра, красоты, истины»¹. В свою очередь, в формировании духовной нематериальной культуры особая роль отводится менталитету (ментальности): именно под действием ментального поля в обществе вырабатывается характерная для данной нации (иной общности) культура. С другой стороны, ментальность всегда культурно-зависима, т.е. ее содержание определяется культурой и является у представителей разных культур различным (имеются в виду исторически и цивилизационно обусловленные особенности). Обобщение специальной литературы позволяет указать на ряд признаков менталитета.

Во-первых, менталитет отражает специфические особенности определенного типа культуры, своеобразный образ мыслей, который складывается у тех, кто принадлежит к данной культуре (например, гнев против убийцы, принесшего смерть родственнику, – это общечеловеческое свойство, а кровная месть – черта менталитета, характерного для общества с примитивной культурой).

Во-вторых, менталитет представляет собой исторически обусловленный феномен. Социальные преобразования и эволюция культуры ведут к тому, что менталитет изменяется. Но изменение его – сравнительно медленный процесс. В отличие от кратковременных, изменчивых настроений общества, колебаний общественного мнения и эмоциональных порывов, которые могут охватывать большие массы людей и весь народ в целом, менталитет устойчив и консервативен. Он сохраняется почти, в одном и том же виде на протяжении целых исторических эпох. Трансформация его происходит лишь вследствие значительных культурных перемен.

В-третьих, менталитет входит в структуру индивидуальной психики человека в процессе его приобщения к данной культуре. Каждый еще ребенком усваивает менталитет своего народа – овладевая национальным языком, слушая сказки и колыбельные песни, адаптируясь к бытовым условиям жизни. Складывающаяся с раннего детства ментальность личности включает в себя как общие установки национальной культуры, так и их вариации, связанные с особенностями, культурной среды, в которой личность живет. В течение жизни ментальность индивида может модифицироваться, но происходит это только при попадании его под воздействие ментального поля какой-либо новой для него культурной формы и, как правило; бывает связано с глубокими психологическими сдвигами.

В-четвертых, в менталитете общественное и индивидуальное сливаются вместе и становятся неразличимыми. Он представляет собой и общественное явление, которое выступает как независимая от отдельных людей социокультурная реальность, и явление личностное, характеризующее психику отдельного человека. Менталитет народа есть одновременно и ментальность его отдельных представителей.

В-пятых (и это особенно важно), менталитет укореняется в бессознательных глубинах человеческой психики, и его носители могут осознать его содержание лишь ценой специальных усилий. Ментальные установки обычно кажутся человеку чем-то само собой разумеющимся, и он просто исходит из них в своем мышлении и поведении, не отдавая себе отчета, почему он мыслит и действует так, а не иначе.

Таким образом, следует согласиться с теми авторами, которые полагают, что менталитет есть выражение глубинных структур духовной жизни, это образ жизни, мысли и деяния, и, одновременно, – малоизменяющиеся устойчивые структуры сознания, выражающиеся в поведении, жизнедеятельности и рефлексии личности или народа и обусловленные культурой, языком, религией, воспитанием, социальным общением². Можно также сказать, что менталитет есть проекция ментального поля культуры на психику людей.

Важно обратить внимание на то, что в рамках общекультурной ментальности возникают различные варианты группового менталитета. Групповой менталитет может оказывать большее

или меньшее влияние на общенациональный менталитет и всю национальную культуру. Например, менталитет русского дворянства существенным образом сказывался на национальной культуре России: дворянские обычаи воздействовали на жизнь всех сословий, вкусы и нравы дворянства во многом определяли развитие литературы, архитектуры. В настоящее время в нашей стране ощущается сильнейшее давление криминального менталитета на общественные нравы, язык, политику. Можно приводить многочисленные примеры в подтверждение, один из самых наглядных и тревожных, – формирование в обществе обыденного отношения к преступности, преступному поведению, по крайней мере, к его ненасильственным формам («откаты» и «распилы» воспринимаются как нечто само собой разумеющееся, необходимый элемент современных бизнеса и политики). Параллельно растет толерантность к деструктивным формам поведения в различных ситуациях (по данным опроса ВЦИОМ 2006 г. около половины опрошенных считают допустимым или заслуживающим снисхождения сопротивление работникам милиции, в обществе наблюдается повышение агрессивности, обычной становится практика разрешения бытовых конфликтов насильственными способами, в том числе, с использованием травматического оружия).

Почему это происходит, или иначе, в чем состоят истоки усиления позиций криминальной ментальности?

Прежде всего, нужно признать: основной источник криминальной ментальности – сама криминальная среда и ее ядро преступный мир. В настоящее время наблюдается (причем не только в России, но и во многих других странах) расширенное воспроизводство преступности. Известный криминолог профессор В.В. Лунеев отмечает среднестатистическую тенденцию абсолютного и относительного (относительно населения, экономического развития, культуры и т.д.) роста уровня преступности³. Соответственно – расширяются возможности воздействия преступности на социальные процессы. Сама же преступность, как и любая система, стремится к самосохранению и обладает собственными защитными свойствами. И.В. Шалахин провел системное исследование феномена преступности и пришел к следующему выводу: «Характер контингента преступников (в первую очередь, его профессиональной части) более или менее устойчив, поскольку при длительном общении преступников складывается определенный механизм его сохранения, подобный механизму биологического наследования, но имеющий социальную природу. Его важнейшими компонентами являются преступная идеология, преступные традиции, преступная символика, мода и др. Все названные компоненты играют существенную роль в самосохранении контингента преступников, его пополнении за счет новых членов общества (преимущественно несовершеннолетних и молодежи) вовлекаемых в преступную деятельность»⁴ Преступная среда, как и любая другая человеческая среда, имеет свою культуру, и эта криминальная культура выполняет функцию сохранения преступного контингента, а кроме того, – проникает в культуру законопослушной части общества, влияет на настроения граждан, их мировоззрение, формирует у значительной части общества толерантное отношение к различным девиациям (пьянство, проституция, гомосексуализм) и формам функционирования преступной среды (коррупция).

К этому нужно добавить: преступность активно и умело использует всевозможные дефекты и изъяны социального организма (в который она и сама включена, поскольку является частью социума, его подсистемой). Если вести речь о предпосылках современной криминальной ситуации в России, то на первый план выходят просчеты государственной власти. Очевидно, позиция невмешательства государственной власти «перестроечного» и «постперестроечного» периодов российской истории в регулирование экономики в сочетании со снятием с себя социальных обязательств перед населением, сыграла роль важного криминогенного фактора, непосредственно детерминировавшего формирование феномена современной российской преступности. Её следствием стало: 1)обострение криминологически значимых аспектов глобализации и социетальной трансформации, способствовавших криминализации всех сфер общественной жизни и деформации социальной структуры и ценностных ориентиров российского общества, и обусловивших рост ситуативной, непрофессиональной преступности корыстной и насильственной мотивации; 2)разрастание на базе предпосылок, сложившихся в СССР (теневая экономика, разворовывание государственной собственности, отсутствие адекватного реагирования на эти процессы со стороны государства) организованной преступности.

Следует также иметь в виду, что предпосылки нынешней криминальной ситуации складывались не только в СССР и период его распада, но и в различные периоды истории

дореволюционной России, и они включают в себя как историко-социальные условия жизни русского народа, так и историко-культурные, цивилизационные особенности его развития.

С одной стороны, нужда и нищета народных масс, их стремление к самосохранению и изменению тяжелых условий жизни любыми способами, в том числе и преступными, влияли на образ жизни многих людей, главным образом из низших слоёв российского общества. С другой, – власти, особенно на местах, зачастую смотрели на исполнение своих обязанностей, в том числе и на отправление правосудия, как на средство кормиться, нередко злоупотребляли своими полномочиями. Здесь уместно провести аналогию с современной ситуацией в отдельных российских регионах, где наделённые властными полномочиями лица на вверенных в их ведение территориях проводят политику выгодную им, и используют региональные ресурсы на удовлетворение собственных потребностей, нарушая при этом нормы уголовного закона.

Сложные отношения между народом и властью, проходящие красной нитью через всю историю российской государственности, лежали в основе правового нигилизма, широко проникшего в различные слои российского общества, и проявляющего себя в различных способах и формах игнорирования правовых предписаний: от относительно пассивной, выражающейся в простом их несоблюдении, до наиболее грубой и прямой – преднамеренного нарушения законов в виде совершения криминальных, подлежащих уголовному наказанию поступков.

Среди особенностей культуры, влияющих на криминализацию населения, отметим широко распространённое пьянство на Руси, давно уже трансформировавшееся в процессы алкоголизации (в СССР) и наркотизации (в «перестроечный» период) населения страны.

Крайняя нужда основной части населения, притесняемой чиновничьим произволом, и в существенной степени обусловленный этим правовой нигилизм, широко проникший в различные слои российского социума, на фоне ставшей традицией массового пьянства, способствовали формированию асоциальных традиций, устойчивых стереотипов индивидуального и коллективного сознания и поведения, по-разному проявлявших себя в различных стратах российского дореволюционного общества, и в зависимости от индивидуальных особенностей, условий жизни и воспитания, мировоззренческих установок, особенностей социально-политической обстановки в стране.

Данные явления (с одной стороны, нужда народных масс, чиновничий произвол, правовой нигилизм, массовое пьянство, с другой – мир профессиональной преступности) никуда не исчезли ни в СССР, ни в современной России, но в преломлённом через соответствующие процессы (социальная революция, построение административно-командного социализма, «перестройка», глобализация и социетальная трансформации России), и соответственно, усечённом (в период тотального контроля) либо, наоборот, гипертрофированном (социетальная трансформация) виде существовали и продолжают существовать, выступая, как и до октября 1917 года, криминогенными факторами. Здесь, по всей видимости, имеют место «атавистические» начала преступности, которая, как верно замечает А.А. Конев, «...отражает в себе не только суть существующих социальных противоречий в обществе, но и привносимых «рудиментов» из прошлого, которое могло отразиться как на индивидуальном, так и на групповом, а в некоторых случаях и на общественном уровне сознания»⁵.

Какими видятся пути преодоления (или, по крайней мере, существенного снижения) криминальной ментальности в российском обществе?

Сразу же оговоримся: объём статьи не позволяет раскрыть данную проблему (она, по всей видимости, могла бы найти комплексное исследование в монографиях и диссертациях ученых разных отраслей знаний, включая криминологов). Здесь, с учетом обобщения специальной литературы, ограничимся общими замечаниями, касающимися социоправовых аспектов рассматриваемой темы.

Прежде всего, противодействие криминальной культуре – процесс крайне сложный и многоуровневый, а также и многоэтапный. Правоохранительная система в одиночку, без социальной опоры не в состоянии переломить сложившуюся в стране ситуацию. Требуются политические, экономические и социальные меры, которые, на первый взгляд, не связаны с вопросами культуры, а направлены на повышение благосостояния людей и защиту их от криминала. Необходимы более решительные шаги в противодействии преступному контингенту, ослаблении его материальной базы.

Вместе с тем, нельзя игнорировать и собственно духовный фактор человеческой жизни. После многолетнего господства позитивистской познавательной-методологической парадигмы, основанной на рассудке и абстрагирующейся от религиозно-нравственных постулатов⁶,

наблюдается возрождение научного интереса к такой категории как «духовность». Л.В. Кондратюк и В.С. Овчинский в своей работе, посвященной методологическим проблемам криминологического измерения, с опорой на научный и исторический опыт, убедительно доказывают: криминальное поведение (а следовательно, и его истоки, включая и криминальную ментальность) следует рассматривать в многомерной системе координат⁷. По мнению указанных авторов, «духовность» выступает особым измерением человеческого бытия (отдельной личности и социума), не сводимым к природным и социальным началам, но находящимся с ними в сложном системном взаимодействии, и именно это «третье измерение» (его выражением служат «законы» совести и нравственности) придает биологическому и социальному в человеке самостоятельный нигде более не встречаемый нравственный смысл.

В этой связи, с учетом того, что криминальное сознание несет в себе готовность к восстанию против регулятивных функций норм цивилизации и ценностей культуры, воспринимая их как репрессивные механизмы, ущемляющие его свободу, особую значимость приобретает формирование конструктивных настроений в обществе, поиск диалога между властью и населением, развитие культуры цивилизованного разрешения конфликтных ситуаций.

В противовес проводимой некоторыми СМИ (вольно или под воздействием криминала) эстетизации преступности, поощрению аномии и безнормативности, криминологи высказывают суждения о необходимости формирования в обществе так называемого «культурного идеала». В частности, как полагает С.М. Иншаков⁸, основные элементы такого идеала сводятся к следующему:

- развитие духовных потребностей (в том числе и ориентация на высшую справедливость), создание им приоритета в иерархии потребностей;
- исключение элементов, развивающих социальную патологию, – культура должна способствовать укреплению здоровья нации;
- ограничение и постепенное вытеснение насилия и индивидуализма как форм социального бытия.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Бачинин В.А. Социология. Энциклопедический словарь. – СПб., 2005. С. 136.
2. См.: Мурунова А.В. Правовой менталитет и правовая идеология как структурные элементы правосознания //История государства и права. 2008. № 6.
3. См.: Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. – М., 2005. С. 23.
4. См.: Шалахин И.В. Теория и методология изучения и ограничения (предупреждения) преступности, обеспечения криминологической безопасности. – М., 2011. С. 188.
5. См.: Конев А.А. Преступность в России и её реальное состояние. – Н. Новгород, 1993. С. 74-75.
6. Исходные посылки социологического позитивизма были сформулированы О. Контом в XIX в.
7. См.: Кондратюк Л.В., Овчинский В.С. Криминологическое измерение. – М., 2008. С. 17-18.
8. См.: Иншаков С.М. Военная криминология. – М., 2000. С. 278.